

Джордж Байрон

Стихотворения

Джордж Байрон

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12627739

Аннотация

Книга содержит лучшие образцы лирики Джорджа Байрона (1788–1824) – выдающегося английского поэта-романтика.

Жажда любви, свободы и подвига – ключевые темы творчества Байрона. Бурная, гордая и страстная душа поэта, стремление вырваться за границы общепринятых норм и условностей, воплотились в характеры героев его стихотворений.

Поэзия Байрона отразила потребность человека в праве на собственные выстраданные мысли и чувства, породила тип поведения и переживания реальности, названный в честь автора байроническим.

Содержание

Решусь, пора освободиться	4
Подражание португальскому	7
Прости	8
Девушка из Кадикса	12
Афинской девушке	15
В альбом	17
Мрак. Тьма	18
Баллада	21
WILL, THOU ART HAPPY	23
Еврейские мелодии	25
1	25
2	27
THI WILD GAZILLI	28
WHIN ALL AROUND GRIW DRIAK AND DARK...	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джордж Байрон

Стихотворения

Решусь, пора освободиться

Решусь – пора освободиться
От мрачной горести моей,
Вздохнуть в последний раз, проститься
С любовью, с памятью твоей!
Забот и света я чуждался
И не для них был создан я,
Теперь же с радостью расстался,
Каким бедам страшить меня?

Хочу пиров, хочу похмелья;
Бездушным в свете стану жить;
Со всеми рад делить веселье,
Ни с кем же горя не делить.
То ль было прежнюю порою!
Но счастье жизни отнято:
Здесь в мире брошен я тобою
Ничто уж ты – и все ничто.

Улыбка – горю лишь угроза,
Из-под нее печаль видней;

Она – как на гробнице роза;
Мученье сжатое сильней.
Вот меж друзей в беседе шумной
Невольно чаша оживит,
Весельем вспыхнет дух безумный, —
Но сердце томное грустит.

Взойдет бывало месяц полный
Над кораблем в тиши ночной:
Он серебрит Эгейски волны...
А я, к тебе стремясь душой,
Любил мечтать, что взор твой милый
Теперь пленяет та ж луна.
О Тирза! над твоей могилой
Тогда светила уж она.

В часы бессонные недуга,
Как яд кипел, волнуя кровь —
«Нет», думал я, «страданием друга
Уж не встревожится любовь!»
Ненужный дар тому свобода,
Кто в узах жертва дряхлых лет.
Вот воскресит меня природа —
К чему? – тебя в живых уж нет.

Когда любовь и жизнь так новы,
В те дни залог мне дан тобой:
Печали краской рок суровый
Мрачит его передо мной.

Навек той сердце охладело,
Кем было все оживлено;
Мое без смерти онемело,
Но чувства мук не лишено.

Залог любви, печали вечной,
Прижмись, прижмись к груди моей;
Будь стражем верности сердечной,
Иль сердце грустное убей!
В тоске не гаснет жар мятежный,
Горит за сенью гробовой,
И к мертвой пламень безнадежный
Святее, чем любовь к живой.

Подражание португальскому

В кипенье нежности сердечной
Ты «жизнью» друга назвала:
Привет бесценный, если б вечно
Живая молодость цвела!
К могиле все летит стрелою;
И ты, меня лаская вновь,
Зови не «жизнью», а «душою»,
Бессмертной, как моя любовь!

Прости

Была пора – они любили,
Но их злодеи разлучили;
А верность с правдой не в сердцах
Живут теперь, но в небесах.
Навек для них погибла радость;
Терниста жизнь, без цвета младость,
И мысль, что розно жизнь пройдет,
Безумства яд им в душу льет...
Но в жизни, им осиротелой,
Уже обоим не сыскать,
Чем можно б было опустелой
Души страданья услаждать.
Друг с другом розно, а тоскою
Сердечны язвы все хранят,
Так два расторгнутых грозою
Утеса мрачные стоят:
Их бездна моря разлучает
И гром разит и потрясает,
Но в них ни гром, ни вихрь, ни град,
Ни летний зной, ни зимний хлад
Следов того не истребили,
Чем некогда друг другу были.
Колридж. Кристобел

Прости! И если так судьбою
Нам суждено – навек прости!
Пусть ты безжалостна – с тобою
Вражды мне сердца не снести.

Не может быть, чтоб повстречала
Ты непреклонность чувства в том,
На чьей груди ты засыпала
Невозвратно-сладким сном!

Когда б ты в ней насквозь узрела
Все чувства сердца моего,
Тогда бы, верно, пожалела,
Что столько презрела его.

Пусть свет улыбкой одобряет
Теперь удар жестокий твой:
Тебя хвалой он обижает,
Чужою купленной бедой.

Пускай я, очернен виною,
Себя дал право обвинять,
Но для чего ж убит рукою,
Меня привыкшей обнимать?

И верь, о, верь! Пыл страсти нежной
Лишь годы могут охлаждать:
Но вдруг не в силах гнев мятежный
От сердца сердце оторвать.

Твое то ж чувство сохраняет;
Удел же мой – страдать, любить,
И мысль бессменная терзает,
Что мы не будем вместе жить.

Печальный вопль над мертвецами
С той думой страшной как сравнять?
Мы оба живы, но вдовцами
Уже нам день с тобой встречать.

И в час, как нашу дочь ласкаешь,
Любуясь лепетом речей,
Как об отце ей намекаешь?
Ее отец в разлуке с ней.

Когда ж твой взор малютка ловит, —
Ее целуя, вспомяни
О том, тебе кто счастья молит,
Кто рай нашел в твоей любви.

И если сходство в ней найдется
С отцом, покинутым тобой,
Твое вдруг сердце встрепенется,
И трепет сердца – будет мой.

Мои вины, быть может, знаешь,
Мое безумство можно ль знать?
Надежды – ты же увлекаешь:

С тобой увядшие летят.

Ты потрясла моей душою;
Презревший свет, дух гордый мой
Тебе покорным был; с тобою
Расставшись, расстаюсь с душой!

Свершилось все – слова напрасны,
И нет напрасней слов моих;
Но в чувствах сердца мы не властны,
И нет преград стремлению их.

Прости ж, прости! Тебя лишенный,
Всего, в чем думал счастье зреть,
Истлевший сердцем, сокрушенный,
Могу ль я больше умереть?

Девушка из Кадикса

Не говорите больше мне
О северной красе британки;
Вы не извели вполне
Все обаянье кадиксанки.
Лазури нет у ней в очах,
И волоса не золотятся;
Но очи искрятся в лучах
И с томным оком не сравнятся.

Испанка, словно Прометей,
Огонь похитила у неба,
И он летит из глаз у ней
Стрелами черными Эреба.
А кудри – ворона крыла:
Вы б поклялись, что их извивы,
Волною падая с чела,
Целуют шею, дышат, живы...

Британки зимне-холодны,
И если лица их прекрасны,
Зато уста их ледяны
И на привет уста безгласны;
Но Юга пламенная дочь,
Испанка, рождена для страсти —

И чар ее не превозмочь,
И не любить ее – нет власти.

В ней нет кокетства: ни себя,
Ни друга лаской не обманет;
И, ненавидя и любя,
Она притворствоваться не станет.
Ей сердце гордое дано:
Купить нельзя его за злато,
Но неподкупное – оно
Полюбит надолго и свято.

Ей чужд насмешливый отказ;
Ее мечты, ее желанья —
Всю страсть, всю преданность на вас
Излить в годину испытанья.
Когда в Испании война,
Испанка трепета не знает,
А друг ее убит – она
Врагам за смерть копьём отмщает.

Когда же, вечером, порхнет
Ока в кружок веселый танца,
Или с гитарой запоеет
Про битву мавра и испанца,
Иль четки нежною рукой
Начнет считать с огнем во взорах,
Иль у вечерни голос свой
Сольет с подругами на хорах —

Во всяком сердце задрожит,
Кто на красавицу ни взглянет,
И всех она обворожит,
И сердце взорами приманит...
Осталось много мне пути,
И много ждет меня приманки,
Но лучше в мире не найти
Мне черноокой кадиксанки!

1809

Афинской девушке

Час разлуки бьет – прости,
Афинянка! возврати
Другу сердце и покой,
Иль оставь навек с собой.
Вот обет мой – знай его:
Zwh mou, saV agapo!¹

За румянец этих щек,
Что эгейский ветерок
Целовал тайком не раз,
За огонь газельих глаз,
За кудрявое чело:
Zwh mou, saV agapo!

Поцелуем уст твоих,
Зыбью персей молодых,
Речью тайною цветов,

¹ Новогреческое выражение любви. Если я переведу его, то обижу тем мужчин, которые могут принять это за недоверие к их способности перевести приведенную фразу самим, а если не переведу, то обижу дам. Боясь недоразумения со стороны последних, я решаюсь дать перевод, прося извинения у ученых. Зоэ му, зас агапо значит: «Жизнь моя, люблю тебя!», что звучит очень мило на всех языках. Фраза эта теперь так же часто употребляется в Греции, как употреблялись ее первые два слова римлянками, эротические выражения которых перешли к грекам (*Прим. Байрона*).

Говоривших больше слов —
Всем клянусь, что душу жгло:
Zwh mou, saV agaro!

Афинянка! Обо мне
Вспомяни наедине...
В Истамбол уеду я,
Но Афин душа моя
Не покинет для него:
Zwh mou, saV agaro!

Афины, 1810

В альбом

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.
И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

Мальта, 14 сентября 1809

Мрак. Тьма

Я видел сон, который не совсем был сон. Блестящее солнце потухло, и звезды темные блуждали по беспредельному пространству, без пути, без лучей, и оледенелая земля плавала слепая и черная в безлунном воздухе. Утро пришло и ушло – и опять пришло и не принесло дня; люди забыли о своих страстях в страхе и отчаянии; и все сердца охладели в одной молитве о свете; люди жили при огнях, и престолы, дворцы венценосных царей, хижины, жилища всех населенцев мира истлели вместо маяков; города развалились в пепел, и люди толпились вокруг домов горящих, чтоб еще раз посмотреть друг на друга; счастливы были жившие противу вулканов, сих горных факелов; одна боязненная надежда поддерживала мир; леса были зажжены – но час за часом они падали и гибли, и треща гасли пни – и всё было мрачно.

Чела людей при отчаянном свете имели вид чего-то неземного, когда случайно иногда искры на них упали. Иные ложились на землю, и закрывали глаза и плакали; иные положили бороду на сложенные руки и улыбались; а другие толпились туда и сюда, и поддерживали в погребальных кострах пламя, и с безумным беспокойством устремляли очи на печальное небо, подобно савану одевший мертвый мир; и потом с проклятиями снова обращали их на пыльную землю, и скрежетали зубами и выли; и птицы кидали пронзи-

тельные крики и метались по поверхности земли, и били тщетными крылами; лютейшие звери сделались смиренны и боязливы; и змеи ползая увивались между толпы, шипели, но не уязвляли – их убивали на съеденье люди; и война, уснувшая на миг, с новой силой возобновилась; пища покупалась кровью, и каждый печально и одиноко сидел, насыщаясь в темноте; не оставалось любви; вся земля имела одну мысль – это смерть близкая и бесславная; судороги голода завладели утробами, люди умирали, и мясо и кости их непогребенные валялись; тощие были съедены тощими, псы нападали даже на своих хозяев, все кроме одного, и он был верен его трупу, и отгонял с лаем птиц и зверей и людей голодных, пока голод не изнурял или новый труп не привлекал их алчность; он сам не искал пищи, но с жалобным и протяжным воем и с пронзительным лаем лизал руку, не отвечавшую его ласке – и умер. Толпа постепенно редела; лишь двое из обширного города остались вживе – и это были враги; они встретились у пепла алтаря, где грудой лежали оскверненные церковные утвари; они разгребали и дрожа подымали хладными сухими руками теплый пепел, и слабое дыханье немного продолжалось и произвело как бы насмешливый чуть видный огонек; тогда они подняли глаза при большем свете и увидели друг друга – увидели, и издали вопль и умерли, от собственного безобразия они умерли, не зная, на чьем лице голод начертал: враг. Мир был пуст, многолюдный и могущий сделался громадой безвременной, бестравной, безлесной, безлюдной,

безжизненной, громадой мертвой, хаосом, глыбой праха; реки, озера, океан были недвижны, и ничего не встречалось в их молчаливой глубине; корабли без пловцов лежали гния в море, и их мачты падали кусками; падая засыпали на гладкой поверхности; скончались волны; легли в гроб приливы, луна царица их умерла прежде; истлели ветры в стоячем воздухе, и облака погибли; мрак не имел более нужды в их помощи – он был повсеместен.

Баллада

(Из Байрона)

Берегись! берегись! над бургосским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда Мавр пришел в наш родимый дол,
Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слышал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне

Бродил и взад и вперед.

* * *

Когда я прижимал тебя к груди своей,
Любви и счастья полн и примирен с судьбою,
Я думал: только смерть нас разлучит с тобою,
Но вот разлучены мы завистью людей.

Пускай тебя на век, прекрасное создание,
Отторгла злоба их от сердца моего,
Но верь – им не изгнать твой образ из него,
Пока не пал твой друг под бременем страданья.

И если мертвецы приют покинут свой
И к вечной жизни прах из тленья возродится,
Опять чело мое на грудь твою склонится:
Нет рая для меня, где нет тебя со мной!

(1846)

WILL, THOU ART HAPPY

Ты счастлива, и я бы должен счастье
При этой мысли в сердце ощутить;
К судьбе твоей горячего участия
Во мне ничто не в силах истребить.

Он также счастлив, избранный тобою,
И как его завиден мне удел!
Когда б он не любил тебя – враждою
К нему бы я безмерно кипел!

Изнемогал от ревности и муки
Я, увидав ребенка твоего,
Но он простер ко мне с улыбкой руки —
И целовать я страстно стал его...

Я целовал, сдержавши вздох невольный
О том, что на отца он походил;
Но у него твой взгляд, и мне довольно
Уж этого, чтоб я его любил.

Прощай! Пока ты счастлива, ни слова
Судьбе в укор не посылаю я.
Но жить, где ты... нет, Мери, нет! Иль снова
Проснется страсть мятежная моя.

Глупец! Я думал, юных увлечений
Пыл истребят и гордость, и года;
И что ж? Теперь надежды нет и тени,
А сердце так же бьется, как тогда.

Мы свиделись... Ты знаешь, без волненья
Встречать не мог я взоров дорогих;
Но в этот миг ни слово, ни движенье
Не выдали сокрытых мук моих.

Ты пристально в лицо мне посмотрела,
Но каменным казалось оно;
Быть может, лишь прочесть ты в нем успела
Спокойствие отчаянья одно.

Воспоминанье, прочь! Скорей рассейся,
Рай светлых снов, снов юности моей!
Где ж Лета? Пусть они погибнут в ней!
О сердце, замолчи или разбейся!

(1871)

Еврейские мелодии

1

У вод вавилонских, печалью томимы,
В слезах мы сидели, тот день вспоминая,
Как враг разъяренный по стогнам Солима
Бежал, всё мечу и огню предавая;
Как дочери наши рыдали! Оне
Рассеяны ныне в чужой стороне.

Свободные волны катились спокойно...
«Играйте и пойте», – враги нам сказали.
Нет, нет! Вавилона сыны недостойны,
Чтоб наши им песни святые звучали;
Рука да отсохнет у тех, кто врагам
На радость ударит хоть раз по струнам.

Повесили арфы свои мы на ивы:
Свободное нам завещал песнопенье
Солим, как его совершилось паденье;
Так пусть же те арфы висят молчаливы.
Вовек не сольете со звуками их,
Гонители наши, вы песен своих!

(1871)

2

Ты кончил жизни путь герой!
Теперь твоя начнется слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твое,
Освободившее ее.

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал! Но кровь твоя течет
Не по земле, а в наших жилах;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовем тебя средь боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слез не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

(1871)

THE WILD GAZILLI

Газель, свободна и легка,
Бежит в горах родного края,
Из вод любого родника
В дубравах жажду утоляя.
Газели быстр и светел взгляд,
Не знает бег ее преград.

Но стан Сиона дочерей,
Что в тех горах когда-то пели,
Еще воздушней и стройней,
Быстрей глаза их глаз газели;
Их нет! Всё так же кедр шумит,
А их напев уж не звучит!

И вы, краса родных полей,
В их почву вросшие корнями,
О пальмы! Участью своей
Гордиться можно вам пред нами;
Вас на чужбину перенести
Нельзя... Вы там не стали б цвесь.

Подобны блеклым мы листам,
Далеко бурей унесенным...
И где отцы почили, там

Не почить утомленным...
Разрушен храм. Солима трон
Врагом поруган, сокрушен!

(1872)

WHIN ALL AROUND GRIW DRIAK AND DARK...

Когда был страшный мрак кругом
И гас рассудок мой, казалось,
Когда мне являлась
Далеким, бледным огоньком;

Когда готов был изнемочь
Я в битве долгой и упорной
И, клевете внимая черной,
Все от меня бежали прочь;

Когда в измученную грудь
Вонзались ненависти стрелы, —
Лишь ты одна во тьме блестела
И мне указывала путь.

Благословен будь этот свет
Звезды немеркнувшей, любимой,
Что, словно око серафима,
Меня берег средь бурь и бед!

За тучей туча вслед плыла,
Не омрачив звезды лучистой;
Она по небу блеск лучистый,

Пока не скрылась ночь, лила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.